

Мольков Георгий Анатольевич

Санкт-Петербургский государственный университет,
Россия, 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7–9
georgiymolkov@gmail.com

Способы адаптации грецизмов в славяно-русском переводе *Евхология Великой церкви**

Для цитирования: Мольков Г. А. Способы адаптации грецизмов в славяно-русском переводе *Евхология Великой церкви*. *Вестник Санкт-Петербургского университета. Язык и литература*. 2021, 18 (1): 97–113. <https://doi.org/10.21638/spbu09.2021.106>

Славяно-русский перевод *Евхология Великой церкви*, выполненный в конце XIV в. книжниками из круга митрополита Киприана, содержит большой пласт экзотической лексики, впервые попадающий в древнерусский литературный язык. Цель настоящей статьи — описать специфику адаптации греческих заимствований в этом переводе в рамках процесса грецизации, известного по южнославянским переводам XIV в. Сделанные в статье наблюдения над всей совокупностью иноязычного материала в исследуемом тексте показывают, что использование переводчиком грецизмов, имеющих черты новой для языка лексики, неоднородно. В статье описаны различия, касающиеся степени их морфологической и морфонологической освоенности, соотношения с их славянским эквивалентом и друг с другом. Разные способы адаптации грецизмов связаны с их семантической неоднородностью в переводе. Наименее упорядочено использование нарицательной лексики, обозначающей преимущественно предметы церковного обихода: каждое слово, встречающееся неоднократно, обладает собственным набором деклинационных вариантов. Более последовательно адаптировались имена собственные (или нарицательные в функции собственных), а также названия еретических течений. Частотность такой лексики в *Евхологии* способствовала выработке типовых средств ее передачи. Наряду с традиционными к XIV в. для славянской письменности приемами (глоссированием, сознательным использованием неадаптированных вкраплений) переводчик пользуется и некоторыми новыми способами адаптации грецизмов, которые можно рассматривать как признаки грецизации новой волны. К новым приемам можно отнести случаи семантизации варианта грецизма, отличающегося от традиционного, а также не зафиксированные в предшествующей традиции способы морфологической и морфонологической адаптации заимствований.

Ключевые слова: историческая лексикология, заимствованная лексика, *Евхология Великой церкви*, морфологическая адаптация.

Текст, который его исследователь М. Арранц [Арранц 2003] обозначил как *Евхология Великой церкви*, является, по мнению Т. И. Афанасьевой, славянским переводом византийского патриаршего требника и был выполнен в последней четверти XIV века. Как показали исследования Афанасьевой, появление перевода свя-

* Исследование выполнено при поддержке гранта РФФ № 20-18-00171.

зано с деятельностью митрополита Киприана [Афанасьева 2015; Афанасьева 2016: 115–119] и сам этот перевод может считаться одним из текстов, с которых начинается московский период в истории русского литературного языка [Афанасьева и др. 2019: 4]. Перевод сохранился в двух пергаменных списках рубежа XIV–XV вв.: ГИМ, Син. 675 и Син. 900. Греческий оригинал текста — патриарший требник, использовавшийся в храме св. Софии в Константинополе, где, по всей видимости, и был произведен перевод книжниками из окружения митрополита Киприана в 1380-е гг. Переводчик, несомненно, был восточным славянином, и текст предназначался для использования на Руси: «Переводчик не просто переводит текст Евхология, но и приспособливает его службы и молитвы для русских нужд и обычаев» [Афанасьева 2016: 115].

Вместе с тем славянская версия отражает текст греческого требника не в полном объеме. У переводчика была определенная прагматическая установка по отбору материала: «В его задачу входило создание книги, где были бы собраны все византийские евхологические чины, которые до этого не были известны или были мало распространены на Руси» [Афанасьева и др. 2019: 38]. Таким образом, значительный объем греческого языкового материала не зафиксирован в известных памятниках письменности. На лексическом уровне это выразилось в том числе в использовании большого количества иноязычной лексики.

В рассматриваемом переводе представлен достаточно широкий спектр явлений, связанных с лексическим заимствованием. Наряду с грецизмами, известными со старославянского периода, в Евхологии употребляются и более поздние заимствования из греческого (и через греческий язык текстов требника — из других языков), а также экзотизмы — лексика, обозначающая церковные реалии разных сфер, актуальные для византийского богослужения. М. И. Чернышева предлагает называть этот вид лексических вхождений «заимствуемой лексикой» (противопоставленной «заимствованной лексике»), или гипотетическими, пробными заимствованиями [Чернышева 1994: 404]. Использование подобной лексики в славянских переводах, как правило, сопровождают «факты морфологической неадаптированности, не укладывающиеся в границы регулярности и закономерности» [Чернышева 1994: 457]. При полном отсутствии адаптированности иноязычную лексику можно считать иноязычными вкраплениями — записанными кириллицей греческими грамматическими формами [Чернышева 1994: 404]. Эта группа явлений, связанная с недостаточной адаптированностью иноязычного материала и признаками начального вхождения в язык, будет интересовать нас в настоящей статье в первую очередь.

Принадлежность славянского Евхология Великой церкви к памятникам древнерусского извода церковнославянского языка при наличии в нем репрезентативного количества иноязычной лексики дает материал для сопоставления с современной ему южнославянской традицией перевода, претерпевшей эволюцию по сравнению с древнейшим периодом. По наблюдениям Т. В. Пентковской, в южнославянских переводах XIV в. «число лексических грецизмов возрастает» [Пентковская 2004: 102], а также, начиная с XII в., «появляются вторичные грецизмы, которые отсутствовали в этих текстах в древнейший период» [Пентковская 2004: 104]. Проследить эволюцию восточнославянской переводческой нормы в пределах того

же периода до сих не было возможности при отсутствии выявленных и изученных переводов.

Некоторые наблюдения относительно иноязычной лексики памятника были сделаны в лингвистическом описании, сопровождающем публикацию его текста. В. В. Козак составил список грецизмов этого перевода, отсутствующих в исторических словарях. В него включены 23 лексемы (некоторые с вариантами) [Козак 2019]. Их рассмотрение завершается выводом:

Грецизмы, имеющиеся в переводе, чаще всего сопровождаются толкованиями или переводом через существующие на Руси слова и понятия. Некоторые из новых грецизмов введены в другом фонетическом облике, отличающем новое заимствование от старого [Козак 2019: 150].

Эта черта вполне соответствует использованию грецизмов в южнославянских переводах XIV в. В другом разделе описания Афанасьева также обращает внимание на использование глосс к словам, «обозначающим греческие реалии, неизвестные на Руси» [Афанасьева и др. 2019: 42].

Наши наблюдения над всей совокупностью иноязычного материала в тексте славянского перевода Евхология показывают, что использование переводчиком грецизмов, имеющих черты новой для языка лексики, неоднородно. Различия касаются их статуса (заимствуемое/вкрапление), степени морфологической и морфонологической освоенности, соотношения со славянским эквивалентом и друг с другом.

В первую очередь обратим внимание на особенности глоссирования, отмеченные уже в общем описании языка перевода. Их активное использование русским переводчиком могло быть подсказано греческим оригиналом: часть пояснений в Евхологии — переводные. Сходная особенность наблюдается, например, в переводе Хроники Иоанна Малалы, где одним из приемов передачи «названий, прозвищ, обращений и т. п., является лексическое варьирование: иноязычное вкрапление — его эквивалент или пояснение» [Чернышева 1994: 459]; при этом и в греческом оригинале прием пояснений широко используется [Чернышева 1994: 458]. В переводе Евхология таким способом поясняются не только имена собственные.

Переведенных с греческого пояснений в Евхологии меньшинство, к ним относятся¹: тапнта, сирѣчь коверъ (32 об.) — τάλπητα ἡ γουὸν ἐπεύχιον; четыринадесатники · еже есть тетрадиты (196) — Τεσσαρεσκαδεκατίτας ἡ γουὸν Τετραδίτας; коласанская · еже новосельская (205) — ἡ Κολοσσαέων ἡτοι ἡ Κυνοχωρητῶν; есть оубо зизъ птица нѣкага животна · мехемоѳъ же, четверонога · левнаѳана же морескъ зѣбрь (225 об.) — τὸν μὲν ζιζ· πτηνόν τι ζῶον· τὸν δὲ μεχεμῶθ · τετράπου· τὸν δὲ λευῖαθᾶν · ἐνάλιον; кѣранъ · еже все писанне моамедово (236 об.) — Κουράν, ἡτοι τὴν ὄλην γραφὴν τοῦ Μωάμεδ.

Нестандартный случай на фоне используемых переводчиком глосс представляет пример со словом хартофилакъ: възложенъ на сѣла фелоню, и ѿмофоръ · приводимъ бываеть томъ провозводимын хартофилакомъ, сирѣчь

¹ Здесь и далее текст цитируется по списку Син. 900, положенному в основу издания. Материал второго известного списка перевода — Син. 675 — будет привлекаться только при наличии показательных разночтений. Текст оригинала приводится по изданиям [Арранц 2003] и [Афанасьева и др. 2019].

КНИГОХРАНИТЕЛЕМЪ · ТҮ СҮЦИМЪ ИНОКОМЪ ТОАЖЕ УБИТЕЛИ (170 об.) — προσάγεται αὐτῷ ὁ προχειρίζομενος παρόντων καὶ τῶν ἐκλεξαμένων αὐτὸν μοναχῶν. В тексте оригинала лексема, как и ее пояснение, отсутствует. Возможно, для логического дополнения ситуации переводчик решил воспользоваться известным ему гречизмом (в материалах И.И.Срезневского слово представлено в одном примере 1423 г.) [Срезневский, т. 3: 1362–1363].

В разных аспектах может различаться и статус поясняемой лексемы. Один из приводимых Афанасьевой в издании Евхология примеров представляет собой пояснение славянской по происхождению лексемы: **ОҮБРОҮСЫ, Г҃· ЕЖЕ ЕСТЬ РҮҚООҮТИРАЛНИКИ** (32 об.) — μαυτήλια. Слово **ОҮБРОҮСЪ** ‘платок, покрывало, полотенце’ известно со старославянского периода [SJS, т. 4: 585], а также используется в домонгольский период в оригинальных древнерусских памятниках — в Новгородской летописи под 1016 годом, в Смоленской грамоте 1150 г., берестяной грамоте № 776 XII в. и др., имеет производные **ОҮБРОҮСЬНЫИ, ОҮБРОҮСЬЦЬ, ОҮБРОҮСЬНИКЪ** [Срезневский, т. 3: 1117–1118; СлРЯ, т. 31: 44–45]. В этих условиях пояснения к слову **ОҮБРОҮСЪ**, казалось бы, не требуется. Его наличие, на наш взгляд, говорит о том, что переводчику было необходимо уточнить значение данного широкого по значению слова как ‘полотенце для рук’. В ранних переводах этим словом обычно переводилось греческое σουδάριον ‘sudarium, towel, napkin’ [Liddell, Scott 1940], а в греческом Евхологии использован близкий по значению латинизм μαυτήλια ‘towel, napkin, handkerchief’ [Sophocles: 732]. Возможно, дополнительным словом **РҮҚООҮТИРАЛНИКЪ** переводчик счел необходимым уточнить контекстуальное значение слова μαυτήλια. Далее в том же чине слово **ОҮБРОҮСЪ** используется еще раз (л. 34), уже без пояснения. В этом случае прием аналогичен тому, который, по наблюдениям Афанасьевой, используется в исследуемом тексте для передачи греческого πλαγία ‘потайные двери в алтаре’; слову дается славянское соответствие с дополнительным комментарием: **С҃ТЬЛ҃... ВХОДИТЬ ВЪ С҃ТЫИ УАТАРЬ СТРАНЫМИ ДВЕРМИ АЩЕ ИМА҃. АЩЕ ЛИ НЕ ИМАТЬ ТО СРЕДНИМИ ВХОДИ҃** [Афанасьева и др. 2019: 14–15].

При толковании может использоваться прием, сходный с тем, который, по наблюдениям Чернышевой, был характерен для раннеславянских переводов, когда «переводчик переписывал кириллицей непонятное для него слово, восстанавливая номинатив... или даже оставляя слово в греческой падежной форме» [Чернышева 1994: 460]. В нашем случае переводчик смысл слова явно понимал, но затруднялся, по-видимому, с его морфологической адаптацией.

Возможный пример такого перевода — слово **СВИКОМА: СВИКОМА, ЕЖЕ ЕСТЬ ВЕРВЬ ТОНКА** (32 об.) — σφήκωμα. Оно использовано в номинативе непосредственно после однородного **ХАРАТНЮ БҮМАЖНҮ** в винительном падеже; хотя форма могла быть выбрана под влиянием оригинала. В греческом тексте Евхология слово σφήκωμα неоднократно встречается и в дальнейшем, для его перевода при этом используется славянский эквивалент: **С ВЕРВЕЮ СТАЗҮЮТЬ** (58) — μετὰ σφήκωματος δεσμοῦσιν; **УБА КОНЦА ВЕРВИИ** (58) — δύο ἄρκα τοῦ σφήκωματος; хотя словом **ВЕРВЬ** может переводиться и другое греческое слово: **СВАЗАЕМИ БЫВАЮТЬ ВЕРВИ** (45) — δεσμοῦνται οἱ σχοῖνοι. Морфологическая неформленность в данном случае может специально маркировать иноязычное вкрапление, которое переводчик в дальнейшем не планировал использовать.

Встречаются и явные вкрапления в тексте перевода — среди заимствований, не сопровождаемых пояснением. По-видимому, таким вкраплением — с восстановленной начальной формой (?) — является не зафиксированное словарями (из отмеченных Козаком) слово **ендигти** (ср. имен. падеж ἐνδυτή): **въскрывающу канстрисноу еже на ендигти стѣга трапезы покровъ цѣлуетъ то** (80 об.) — ἀνυψοῖ ὁ κανστρίσιος τὸ κατὰ τὴν ἐνδυτὴν τῆς ἀγίας τραπέζης ταβλίον καὶ ἀσπάζεται αὐτὸ. В позиции местного падежа окончание *-и* может указывать на склонение по образцу основ на *jǎ, *jǝ, *i или на согласный, что вряд ли можно ожидать для данного грецизма.

О том, что грецизм **ендигти** воспринимался как избыточное вкрапление, говорит оригинальное пояснение переводчика к слову **покрывало**, переводящему греч. ἄπλωμα на л. 46 [Афанасьева и др. 2019: 44]. В нем сказано, что на Руси **вбыкоша индигтию то звати** ‘обычно называют его индигтьей’. По отношению к уже адаптированному **индигтиа** грецизм новой волны **ендигти** воспринимался как избыточный, что выражается в отсутствии морфологического оформления. Поясняющее его слово **покровъ** (а также **прекровъ**) используется и в других чинах Евхология при иных греческих соответствиях: **еже на стѣн трапезѣ прекрова** (57) — τῶ τῆς ἀγίας τραπέζης ἀπλώματι; **прекрыту покровомъ** (в Син. 675 — **прекровомъ**) (188) — κεκαλυμμένην μαφορίῳ.

По всей видимости, применение вкраплений в славянском тексте Евхология близко к технике, которую Чернышева описала для Хроники Иоанна Малалы, где морфологически неадаптированные формы (иногда с использованием греческого номинатива как неизменяемой формы) являются средством выделения экзотизмов [Чернышева 1994: 457–458]. В рассмотренных примерах подчеркивается, что **свиком** и **ендигти** — это специальные византийские названия церковной утвари, для которых у восточных славян либо нет специального слова (просто **вервь**), либо используется грецизм другого вида (**индигтиа**).

Можно привести еще один пример использования данного приема, где обозначенная с его помощью реалия имеет выраженный «экзотический» характер. В одном из чинов принятия еретиков при описании религиозных представлений фарисеев говорится о том, что они **славятъ же имармени и звѣздословию прилежать** (223 об.) — δοξάζουσι δὲ εἰμαρμένην· καὶ τῇ ἀστρολογίᾳ σχολάζουσι «поклоняются Фатуму и занимаются астрологией». Возможно, в данном случае использование грецизма связано с «трудностью передачи отвлеченных понятий», которую описала В. Ф. Дубровина на материале Синайского патерика в древнеславянском переводе [Дубровина 1964: 51]. Однако в Синайском патерике использование грецизмов этого типа не связано с восстановлением греческого номинатива. А переводчик Евхология обозначил экзотическое (чуждое православной религии) понятие εἰμαρμένη ‘en la doctrina de los fariseos identificada también con la necesidad y el fatum’² [DGE] с помощью вкрапления³.

² В учении фарисеев <это понятие> идентифицируется также с необходимостью и фатумом.

³ Исторические словари фиксируют данное слово в склоняемой форме — **имарменниа, -ниа**; к моменту перевода Евхология слово уже было известно по «Пандектам» Никона Черногорца [Срезневский, т. 1: 1091] и Хронике Георгия Амартола [СДРЯ, т. 4: 144]. И. И. Срезневский указывает также и на использование неизменяемой формы в древнерусском списке Поучений огласительных Кирилла Иерусалимского; ср. контекст (по рукописи Син. 478): **тъ самъ оубъ га нашего іс̄ х̄а...//провѣдни/къ ксть воудоуштинхъ. и всѣхъ сильнѣ/и вѣдын твора іакоже хоштеть. не**

В иноязычной лексике Евхология в русском переводе представлена и следующая ступень в морфологическом освоении заимствований — вариативность их declinationalных характеристик. Среди приведенных Козаком лексем вариативность по роду наблюдается при переводе слова ἡ μαστίχη ‘мастика’: **мастичуни**, **мастича** и **мастичунонь** [Козак 2019: 149]; отметим, что последний вариант не имеет непосредственной поддержки в греческом тексте, где ему соответствует бессуффиксальное μαστίχη⁴. В данном случае славянин добавляет иной суффикс, чем в оригинале, маркирующий лексему как заимствованную.

В переводе используется еще одно образование с заимствованной основой **мастич-** — греко-славянский композит **воскомастич(а)** (ἡ κηρομαστίχη), также испытывающий колебания в роде. В исторических словарях представлен единственный контекст XVI в. с его употреблением [СлРЯ, т. 3: 41], также в требнике⁵. По-видимому, сфера функционирования слова была узкой. Чаще всего композит **воскомастич(а)** имеет формы женского склонения: **воскомастичою** (38, 54 об.) — διὰ κηρομαστίχης; **ветъшанон воскомастичѣ** (57 об.) — τὴν παλαιὰν κηρομαστίχη; **воскомастича** (58 об.) — ἡ κηρομαστίχη; **на свлюденне воскомастичи** (60 об.) — πρὸς παραφύλαξιν τῆς κηρομαστίχης и др. В трех примерах представлены формы мужского рода: **възлагають мрамаръ стертъ, горни^м концемъ столпнымъ, на лишнама харътни согнутниа, да не нѣкоюю малою скважнею, воскомастичу истечи** (35) — πρὸς τὸ μὴ διὰ τινος βραχείας ὀπῆς τὴν κηρομαστίχην ἐκρεῖν; **възливается воскомастич** (37 об.) — ἐπιχεῖται κηρομαστίχη; **воскомастич** (57 об.) — κηρομαστίχη. В единственном примере слово использовано с сохранением греческой флексии номинатива: **да не воскомастичи истече^т низу нѣкоюю диркою** (58) — ἄν μὴ ἡ κηρομαστίχη ἐκρῶῃ κάτω διὰ τινος ὀπῆς. Этот пример, в отличие от приводившихся выше примеров **ендичи**, **имармени**, не является вкраплением, т. к. греческая флексия употреблена морфологически адекватно. Использование грецизирующего **-и** в заимствованиях слов на **-η** допускалось более ранней переводческой нормой (например, встречается в тексте «Пролога» [Крысько 2011: 800], в Хронике Иоанна Малалы [Чернышева 1994: 406]).

Таким образом, у обоих грецизмов с основой **мастич-** в исследуемом переводе используется по три разных варианта морфологического оформления (мужской род/женский род/грецизированная форма), но по средствам передачи этих грамматических категорий совпадает только один из вариантов — женского рода (**ἄ*-склонение без наращений). Несовпадающие варианты у слова **мастича**, не имеющего славянской части, более искусственные, чем у композита, содержат дополнительный суффикс **-и**.

Похожую вариативность в памятнике имеет и ряд других заимствуемых лексем. У каждой из них набор допустимых вариантов оказывается индивидуальным. Козак отмечает не представленное в словарях образование **антиминсии** как «более близкий к греческому слову словообразовательный вариант» [Козак 2019:

подъле/жа вештънынми чиномъ. ни быгтик/мъ. ни лоучею. ни имармени. въ вѣсьмъ съ/врьшени (л. 31 об. — 32).

⁴ Словарь Э. Криараса [Kriaras] не отмечает эту лексему с диминутивным суффиксом. Анонимный рецензент статьи указал на фиксацию суффиксального варианта μαστίχιον в словаре Стефаноса (Stephanus. Thesaurus Graecae Linguae. T. VI. S. 607).

⁵ Слово употребляется и в позднейшей церковнославянской традиции, в мужском роде [БСЦЯ, т. 2: 362].

147] в сравнении с узуальным **АНТИМИСЪ**, **АНТИМИНСЪ**. Важно добавить, что в виде **АНТИМИСЪ** слово также представлено в Евхологии десятком примеров, с морфологической вариативностью, характерной для славянской лексики: в именительном падеже **АНТИМИСЕ** (45, 57), но **АНТИМИСЫ** (57); в творительном падеже **СЪ АНТИМИСЫ** (41 об.), но **СЪ АНТИМИСЪМИ** (44 об.).

Деклинационные варианты представлены в формах слова **ЛЕНТИЕ/ЛЕНТИОНЪ** в соответствии с греческим τό λέντιον. Греческий морфологический облик сохраняется у него в трех примерах в винительном падеже: **ПРІЕМЪ ЛЕНТИОНЪ** (72 об.), **ПРИЕМЪ ЛЕНТИИ**⁶ (в Син. 675 — **ЛЕНТИИ**) (72 об.), **СНИМАЕТЪ Ё СЕБЕ ЛЕНТИОНЪ** (в Син. 675 — **ЛЕНТИИ**) (73)⁶. Сравнение списков показывает, что в более раннем списке Синодального собр. № 675 грецизация допускалась двумя разными способами, но в списке Синодального собр. № 900 была унифицирована. В большем количестве примеров слово ведет себя как существительное среднего рода на **-ИЕ**: **ОУГОТОВАЛЕНЪИ ВОДЪ ТЕПЛОИ** и **ЛЕНТИИ** (68 об.), **ЛЕНТИЕМЪ** (69, 71, 72 об., 74, 74 об. и др.), **ЛЕНТИЕМЪ** (70), **УТРАТИ ЛЕНТИИМЪ** (73), **ПО ИЗМОВЕНИИ ЛЕНТИЕМЪ ДА ПРИПОАШЕТСА** (211 об.) — ἀπό τοῦ λουτροῦ λεντίω περιζωσθεῖς. В адаптированном морфологическом облике этот грецизм был возможен в старославянских текстах [SJS, т. 2: 112] и в древнеболгарских переводах по древнерусским спискам [СлРЯ, т. 8: 206], а с греческой финалью **-ИИ(И)** словарями не фиксируется. Разночтения к евангельскому стиху Ио. XIII. 4 в издании [Евангелие 1998: 62] позволяют увидеть, что в древний период вариант **ЛЕНТИОНЪ** единично встречается в списке Архангельского Евангелия 1092 г., а в качестве основного начинает использоваться с XIV в. — в Чудовском Новом завете и позднейших правленных редакциях Евангелия.

На этом фоне неоднозначно смотрится и использование **-ИИМЪ** в творительном падеже данной лексемы. С одной стороны, формально флексия совпадает с «древнейшими формами» этой граммы у существительных на **-ЪИ** (типа **АРХИЕРЪИ**, **НОУДЪИ**), известные ранней древнерусской книжной норме — **АРХИЕРЪОМЪ**, **НОУДЪОМЪ** [Макеева, Пичхадзе 2004: 19]. С другой стороны, морфонологические условия этих древнейших форм не соблюдены: **-ИИМЪ** присоединяется к основе с исходом на **И** (вместо **Ъ**). По-видимому, расширяя сферу использования этого ранее использовавшегося в иноязычной лексике варианта флексии переводчик ориентировался на греческую финаль **-иου**. Форма **ЛЕНТИИМЪ** вместо узуальной **ЛЕНТИЕМЪ** маркирует лексему как заимствование.

Еще одна комбинация деклинационных вариантов представлена в слове **ОМОФОРЪ**: **ИМОФОРЪ** (72, 73 об.), **ФЕЛОНЮ И ИМОФОРУ ПРИВОДИМЪ БЫВАЕМЪ** (!) (170 об.) — φαινόλιον καὶ ὠμοφόριον προσάγεται, но **ИЛОЖИВЪ ИМОФОРИИ** (150 об.) — ἐκβαλὼν τὸ ὠμοφόριον. В последнем случае переводчик опять применяет живое среднегреческое окончание, подчеркивающее заимствованный характер реалии. В грецизированной форме это слово в предшествующий период в древнерусском языке не использовалось [Срезневский, т. 2: 667; СлРЯ, т. 12: 368]. Та же флексия использована и при передаче слова **ИИВИЛЕУ** (223) — τῶ ἰωβηλεῖα, в данной форме отсутствующего в исторических словарях [Афанасьева и др. 2019: 148]⁷.

⁶ Здесь и далее отсутствие греческих параллелей приводимым примерам означает, что греческий оригинал этого чина на сегодняшний день не выявлен.

⁷ Для сравнения можно привлечь материалы М. И. Чернышевой, извлеченные из перевода Хроники Иоанна Малалы. Они показывают, что в более ранней традиции встречалась похожая, но все

Вариативность другого типа при адаптации иноязычной лексики связана с передачей имен собственных, которые в тексте Евхология концентрируются в большом количестве в группе чинов принятия еретиков и нехристиан в православие (л. 195 об. — 243) — это имена божеств, бесов, ересеучителей и т. п. Отсутствие единообразия при их передаче возникало в связи с тем, что в предшествующей древнерусской традиции не было образцов славянского оформления многих из них. Некоторые из этих чинов в славянском переводе впервые появляются в составе Сербской кормчей в XIII в. [Афанасьева и др. 2019: 20–21], но даже они для русского требника были переведены заново с отличного от использованного в Сербии греческого оригинала [Корогодина 2011: 60]. Таким образом, переводчик сталкивался с большим количеством экзотических имен, впервые передаваемых средствами церковнославянского языка древнерусского извода.

В контексте чинов принятия в православие полноценную адаптацию собственных имен затрудняло их функционирование преимущественно в составе однотипных формул «*Ἀναθεματίζω* ‘проклинаяю’ + Вин. п.». Это давало морфологически изолированный языковой материал, не встроженный в парадигмы.

Переводчик сохранял различие склоняемых и несклоняемых имен оригинала. Несклоняемыми, как правило, оставались экзотические имена, оканчивающиеся на гласный, в позиции винительного падежа: *проклинаю... ада* (203 об.) — Ἄδα; *мар-ѡ и мар-ѡ-ану*... *яко богиня чт҃итъ* (223 об.) — μαρῶ; *проклинаю задице* и *ансе* (236 об.) — Ζαδίξε καὶ Ἄισε; встретились и неизменяемые формы на гласный в позиции местного падежа: *проклинаю баснотворение моамедово в немже гл҃еть быти вѣи дому млтвеному... в вакхе еже есть меке* (239 об.) — εἰς τὸ Βάκχε ἦτο Μέκε; в именительном падеже: *бѣсовъ нѣкихъ... призывають · нхже с҃тъ первни, сор҃у и сеханъ* (230 об., 234) — σωρού; *проклинаю призывающихъ бѣсы нѣкиа иже первнї именуѣтсѧ, сор҃у · и сеханъ · и архе* (234) — ἀρχέ; *поа сѣбноу нѣкихъ древесъ иже именуѣтсѧ сидри и талехъ* (237) — Σίδρη.

Аналогично используются некоторые неизменяемые имена с согласным на конце: *пре(д)ложитъ въ сн҃дѣ зизъ* (225 об.) (название/имя экзотической птицы) — τὸν τε ζίζ; *проклинаю... оумаръ* (236 об.) — Οὔμαρ; *зеннепъ* (236 об.) — Ζεῖνετ; *ωмкел-ѡимъ* (236 об.) — Ὠμκελθεῖμ. Однако имена на согласный в большинстве случаев переводчик морфологически адаптирует. Если такое имя используется в уточняющей конструкции в греческом (после ἢ ‘или’, εἴτουν ‘то есть, а именно’ — имена по-гречески стоят в том же падеже, что и поясняемое слово), то переводчик, используя возможности славянского синтаксиса, переводит его в номинатив, например: *проклинаю именуемыхъ моамедомъ англы · аро-ѡ и маро-ѡ... к сим же, и баснословимымъ ѿ него пѣркомъ и ап(с)лмъ · еже есть худъ и цалетъ · или салехъ · и соаипа · и едрїса* (237 об.) — Ἀναθεματίζω... Πρὸς τοῦτοίς δὲ καὶ τοὺς μῦθευομένους ὑπ’ αὐτοῦ προφήτας καὶ ἀποστόλους, εἴτουν τὸν Χοῦδ καὶ Τζάлет ἢ

же не идентичная деклинационная вариативность в передаче грецизмов: ὁ ὀκτώβριος — *вктеврїа/вктлврл* [Чернышева 1994: 428]; ὁ σептῆμβριος — *семптѣмрнл/септлврл*; ὁ ὑπερβερέταιος — *перетїа/вѣперверетѣвсъ*; ὁ φεβρουάριος — *февроуарнвсъ/февроуарїи/феврѡарл* [Чернышева 1994: 429]; τὸ ἵπποδρόμιον — *иподроумне/подромъ* [Чернышева 1994: 434]; ἡ κεραμίδα — *керемиду/на керемиди* [Чернышева 1994: 435]; τὸ πραιτώριον — *вѣ претѡрри/притѡръ* [Чернышева 1994: 436]. В частности, существительные среднего рода на -иου не передаются по-славянски с финалями -иунъ/-иу. Вариант с отсутствием конечного -н лексемы *полнелеу*, по свидетельству Р. Н. Кривко [Кривко 2015: 248], присутствует в списках Иерусалимского устава, славянские переводы которого появляются в XIV в.

Σάλεχ, καὶ τὸν Σωαῖπ καὶ τὸν Ἐδρής (**пѣркомъ** и **ап(с)лмъ** стоят в дательном падеже по ошибке — под влиянием предшествующего датива **к сим же**; должно быть **пѣркъ** и **ап(с)лы**).

Вне подобных конструкций переводчик в большинстве случаев добавляет к таким именам славянскую одушевленную флексию винительного падежа (ср. **солнпа** и **едрѣса** в приведенном примере). О том, что он ориентировался на наличие конечного согласного, говорит сравнение передачи имени **ада(н)**, дважды употребленного в оригинале с разной финалью, ср.: **проклинаю... ада** и **адимантѣ** (203 об.) — Ἄδα καὶ Ἀδεῖμαντω, но **адана** и **адиманта** (204) — Ἄδαν Ἀδεῖμαντων.

Иначе в переводе оформляются собственные имена, имеющие склонение и в греческом. Наблюдаемая в их морфологическом оформлении вариативность связана с тем, что переводчик мог для образования славянской формы сначала устранить греческую финаль **-ν**, но мог и использовать слово вместе с **-ν** в качестве основы. В существительных на **-ον** греческая флексия последовательно «устраняется»: **несторниа** (198) — Νεστόριον, **диwскора** (198) — Δίοσκορον; **кѣврика** (198) — Κοῦβρικον; **теревинѣа** (198 об.) — Τερέβινθον, **патекниа** (204) — Πατέκιον и т. д. Материал для наглядности представим в виде таблицы (см. табл. 1), не учитывая в левой ее части многочисленные имена на **-ον**:

Таблица 1. Употребление форм винительного падежа имен собственных, передающих греческие формы на **-ν**

Устранение -ν	Сохранение -ν
зарада (198 об., 201 об.) — Ζαράδην	вѣдана (198 об., 201 об.) — Βουδᾶν
васианда (199) — Βασιλείδην	селмеина (204) — Σαλμαῖον
кароссу (204) — Κάροσσον (ж. р.)	адана (204) — Ἄδαν
ираклида (204) — Ἴρακλείδην	варанана (204) — Βαραῖαν
папиа (204) — Πάαπιν	еннеина (204) — Ἴνναῖον
ѳомѣ (204) — Θωμάν	ермана (204) — Ἐρμᾶν
марѳанѣ (223) — Μαρθάνην	зарѣана (204) — Ζαρούαν
илиоѣ (226) — Ἴλιαν	вааниса (204 об.) — Βαάνην (!)
трапезита (232, 233) — Τραπεζίτην	карвеана (204 об.) — Καρβέαν
асклипиада (233) — Ἀσκληπιάδην	акиванѣ (224 об.) — Ἀκιβᾶν (!)
аполлониада (233) — Ἀπολλωνίδην	аннана (224 об.) — Ἀννᾶν
фатманѣ (236 об.) — Φάτουμαν (ж. р.)	велнамина (226) — Βενιαμῖν
	талхана (236 об.) — Τάλχαν
	апѣпакринѣ садѣкинѣ (236 об.) — Ἀπουτάκρην τὸν Σαδίκη(ν)
	аделлана (236 об.) — Ἀβδελλᾶν
	оѣѳмана (236 об.) — Οὐθμᾶν
	лонмана (!) (237 об.) — τὸν Λοκμᾶν

Несмотря на вариативность в передаче этих имен в целом, переводчик достаточно последователен в применении определенных правил адаптации рассматриваемой лексики. Эти правила заметны на материале наиболее частотных финалей — **-ην** и **-αν**. Первую из них переводчик последовательно не учитывает за единичными исключениями: в одном случае он образовал нестандартную форму от греческого номинатива (**вааниса**) и в другом материально сохранил **-ην**, оставив несклоняемые формы (**апѣпакринѣ садѣкинѣ**). Напротив финаль **-αν** последовательно интерпретируется как часть основы в заимствовании, за исключением двух катего-

рий — слов женского рода (**кароссу**, **фатману**) и мужских имен, хорошо известных к XIV в. на Руси (**ѡмѹ**, **илноу**). Все остальные получают формы по * δ -склонению. Таким образом, морфологически однородный в греческом элемент **-ан** переводчик Евхология интерпретировал по-разному в зависимости от рода существительного, являвшегося экзотизмом.

Как показывает таблица 1, в двух случаях переводчик сохраняет в основе имени и флексию **-он** (**селмешна**, **еннешна**). По-видимому, это также контролируемая категория исключений — оба слова в оригинале имеют похожую основу — оканчиваются на **-αιον**.

Еще одна категория примеров показывает относительную независимость переводчика Евхология от оригинала в морфонологическом аспекте. В тех же чинах принятия в православие представлен целый ряд существительных множественного числа, передающих названия различных религиозных течений. В их морфемной структуре обращает на себя внимание суффикс, передающий значение категории лиц «по этнической, локальной, социальной, религиозной принадлежности» [Иорданиди, Крысько 2000: 44]. Наблюдаются следующие примеры (табл. 2):

Таблица 2. Перевод названий еретиков

Оригинал	Перевод
Ἀρειανός	арианы (195)
Μακεδονιανός	македоняны (195 об.)
Τετραδίτας	тетрадиты (196)
Ἀπολιναριστάς	аполинариананъ (196)
Σαββατιανός	савватяны (196, 231)
Νεστοριανός	несторяны (197 об.)
Εὐτυχιανιστάς	евтиханъ (197 об.)
Εὐνομιανός	евномяны (198)
Μοντανιστάς	монданисты (198)
Σαβελλιανός	савелляны (198)
Ἡρωδιανός	иродяны (224)
ἀρχιρεμβίτας	архиремвиты (225 об. — 226)
ἀρχираββίτας	архираввиты (226)
περὶ μελχисεδекитῶν	ω мелхиседекитохъ (229 об.)
περὶ... θεοδοτεανῶν	ω... ѡеодотнанъхъ (229 об.)
ναυατιανός	наватяны (231)
θεοδοτιανοὶ	ѡеодотняне (231 об.)
θεοδοτιανοὶ	ѡеодотнянне (232 об.)
μελχισεδекιανοὶ	мелхиседекитанне (232 об.)
ἀθίγγανοι	аѡнганни (232 об.)

Сразу целый ряд таких калькирующих переводов встретился в контексте со списком божеств, чередующихся с их эпитетами: **проклинаю всѣхъ · ихже манисть назда боги · еже четверообразнаго ѡца величеству · и глѣмага перваго члѣва · и вѣнченосца и ѿменѣмага дѣвественника свѣтъ и свѣтонизнаго · и пать оумныхъ свѣтиль, и нарицаемаго сдѣтелеа · и еже тѣмъ наречѣннаго праведнаго судию, и раменноснаго носашаго землю · и старца и всѣхъ спроста** (198 об.) — Ἀναθεμαίζω πάντας οὓς ὁ Μάνης ἀνέπλασε θεοὺς ἦτοι τὸν λεγόμενον Πρῶτον ἄνθρωπον καὶ τὸν **Στεφανηφόρον** καὶ τὸν ὀνομαζόμενον **Παρθένον** τοῦ φωτὸς καὶ τὸν **Φεγγοκάτοχον** καὶ τὰ πέντε Νοερά φέγγη καὶ τὸν καλούμενον Δημιουργὸν καὶ τὸν ὑπ' αὐτοῦ προβληθέντα Δίκαιον κριτὴν καὶ τὸν **Ἰμοφόρον** τὸν βαστάζοντα τὴν γῆν καὶ τὸν **Πρεσβύτην** καὶ πάντας ἄλλῶς (выделены только однословные соответствия, выступающие в данном контексте в функции имен собственных). В другом месте также переведен единичный эпитет божества: **аргаисъ колассанскага еже новосельскага** (205) — Ἀργαῖς ἡ Κολοσσαέων ἦτοι ἡ **Κυνοχωρητῶν**.

Еще два примера нужно выделить особо, т. к. их можно считать переводческими ошибками — связанными с неверным опознаванием слов. Первая из них связана с вариантами передачи имени одного из бесов — ἀρχέ, встретившегося в тексте дважды. При первом упоминании оно ошибочно сближено с созвучным словом ἀρχή 'начало' и переведено (почему-то формой множественного числа): **сору и сеханъ · и начала называються** (230 об.) — σωροῦ καὶ σεχάν καὶ ἀρχέ проσαγορεύονται. Во втором случае оно просто транслитерировано как неизменяемое: **сору и сеханъ и архе** (234) — σωροῦ καὶ σεχάν καὶ ἀρχέ.

Второй пример является ошибочной полукалькой, поскольку слово, видимо незнакомое переводчику, было воспринято как словосочетание «предлог + экзотическое существительное». Таким способом было передано слово τό περίαιμα 'amulet' [Sophocles: 873; Lampe 1961: 1061], стоящая в форме дательного падежа множественного числа: **Ѡричюса всѣхъ жидовскихъ вьычаевъ · и начинани и закони ихъ... и сѣвотъ волъхвовани · и чародѣгани · и еже ѡ аммастѣхъ** (220) — Ἀποτάσσομαι πᾶσι τοῖς ἑβραϊκοῖς ἔθεσι καὶ τοῖς ἐπιτηδεύμασι καὶ τοῖς νομίμοις... καὶ τοῖς σαββάτοις καὶ ταῖς γοητεῖαις καὶ ταῖς ἐπιφθαῖς καὶ **τοῖς περιάμμασι**. Переводчик воспринял форму τοῖς περιάμμασι как субстантиват (ср. **еже**) формы с предлогом περι некоего слова с основой **άμμασ- (т. е. он отнес к основе часть греческой флексии).

В заключение рассмотрим еще одну категорию примеров, характеризующую состояние иноязычной лексики в переводе. В качестве релевантного параметра при описании заимствованной лексики древнеславянских переводов рассматривается возможность использования в тексте греческих слов, «которым в подлинном греческом тексте соответствуют другие лексемы» [Мещерский 1958: 248] (см. также: [Дубровина 1964: 51–52]). Наличие в переводе таких грецизмов является важной характеристикой — «признаком литературной образованности переводчика, его начитанности в современной ему оригинальной и переводной славяно-русской письменности», а также «доказательством того, что переводчик в совершенстве владел греческим языком», в том числе «живым разговорным греческим языком византийского периода» [Мещерский 1958: 258]. В переводе Евхология встречается лексика этого типа. Ее рассмотрение дополнительно подтверждает хорошо продуманный характер употребления грецизмов, передающих специфически церковные реалии, в данном переводе.

Независимые от оригинала слова греческого происхождения представляют собой более ранние вхождения в древнерусский язык, освоенные к концу XIV в. К их числу можно отнести:

- **соударь** (**сударемъ** (32) — καλλύματα) [SJS, т. 4: 412; СлРЯ, т. 28: 253];
- **левкасъ** (55) (без соответствия в греческом тексте, используется как пояснение к новому заимствованию **ипсъ** 'типс' [Афанасьева и др. 2019: 148]), хотя в [СлРЯ, т. 8: 185] фиксируется только с XVI в., а в XIV в. известно лишь единичное употребление формы **левкасини** [СДРЯ, т. 4: 394]; свидетельство Евхология в данном случае показательное: переводчику, использовавшему грецизм **левкасъ** для пояснения менее понятного слова, он явно был хорошо знаком;
- **маньтня** (**маньтню** (171 об.) — παλλίον), уже в «Синайском патерике» по списку XI в. наблюдается то же соответствие [СлРЯ, т. 9: 28].

Но наибольший интерес в исследуемом переводе представляет употребление слов **родостама** и **родостагма**, имеющих общее происхождение (среднегреч. ῥοδόστα(γ)μα) [СлРЯ, т. 22: 192]. В [СДРЯ, т. 10] и [СлРЯ] отмечен только вариант без **г**, употребляемый уже в ранний период в соответствии со значением оригинального слова — 'розовая вода'. В Евхологии в этом смысле используется вариант без выпадения **г**: **родостагмѣ** (66) — ροδοστάγματος. А более поздний фонетический вариант данного греческого слова (без **г**) чуть более активен и функционирует как самостоятельная лексема, т. к. применяется независимо от оригинала, в соответствии с другим греческим словом: **стѣкляници двѣѣ · едина оубо родостамы исполнь, или вина · дрѹгага же мѣра** (33) — βίκους δύο. τὸν μὲν οἰνάνθης ἢ οἴνου πλήρη, τὸν δὲ μύρου; **приемлетъ стѣль ссѹ^а родостамы или вина исполнь** (43) — λαμβάνει ὁ ἀρχιερεὺς βίκον οἰνάνθης ἢ οἴνου πλήρη; **ѿ оставшеа родостамы или вина** (44 об.) — ἐκ τῆς λοιπῆς οἰνάνθης ἢ τοῦ οἴνου. Согласно [Liddell, Scott 1940], слово οἰνάνθη используется в значениях 'inflorescence of the grape-vine/of the wild vine', 'bloom on the grape' и в обобщенном поэтическом значении 'вино' [Liddell, Scott 1940: 1206], т. е. никак не соотносится с этимологическим значением слова ροδοστάγμα. Именно этот — уже освоенный языком — вариант грецизма переводчик Евхология решает использовать для передачи экзотической реалии, образуя семантический неологизм.

Рассмотренные особенности функционирования экзотизмов в древнерусском переводе Евхология Великой церкви позволяют увидеть, что наряду с традиционными к XIV в. для славянской традиции приемами переводчик из круга митрополита Киприана применяет и некоторые новые способы адаптации грецизмов. Обе группы приемов используются последовательно и мотивированно, что говорит о хорошей подготовке переводчика.

Из приемов, известных ранее славянской переводческой традиции, можно выделить глоссирование экзотической лексики, дополняющей оригинальные глоссы греческого текста, а также сознательное введение в текст вкраплений в виде транслитерированной греческой начальной формы слова. Такие вкрапления подчеркивают, что обозначаемый ими предмет/понятие являются специфически инокультурными.

К новым приемам, употребленным при переводе Евхология, можно отнести случаи семантизации варианта грецизма, отличающегося от традиционного

(родостагма/родостама), а также оригинальные способы морфологической и фонологической адаптации заимствований. К ним относятся специфические варианты флексий у существительных на *-iov*, правила разграничения греческих слов в зависимости от гласного во флексии аккузатива (в том числе с опорой на грамматический род существительного), а также использование составных формантов, обозначающих категорию людей по социально-религиозному признаку.

Словари и справочники

- БСЦЯ — *Большой словарь церковнославянского языка Нового времени*. Т. 1–2. М.: Словари XXI века, 2016–2019.
- СДРЯ — *Словарь древнерусского языка (XI–XIV вв.)*. М.: Азбуковник, 1990–2019.
- СЛРЯ — *Словарь русского языка (XI–XVII вв.)*. Т. 1–31. М.: Лексрус, 1975–2019.
- Срезневский — Срезневский И. И. *Материалы для словаря древнерусского языка*. Т. 1–3. СПб.: Издание Отд-ния рус. яз. и словесности Императорской акад. наук, 1893–1912.
- DGE — *El Diccionario Griego-Español*. <http://dge.cchs.csic.es/> (дата обращения: 01.03.2021).
- Kriaras — Ελιτομή Λεξικού Κριρά. https://www.greek-language.gr/greekLang/medieval_greek/kriaras/index.html (дата обращения: 01.03.2021)
- Lampe 1961 — *A Patristic Greek Lexicon*. Lampe G. W. H. (ed.). Oxford: Clarendon Press, 1961. 1618 p.
- Liddell, Scott 1940 — Liddell H. G., Scott R. *A Greek-English Lexicon*. Revised and augmented throughout by Sir Henry Stuart Jones with the assistance of Roderick McKenzie. Oxford: Clarendon Press, 1940. <http://perseus.uchicago.edu/Reference/LSJ.html> (дата обращения: 01.03.2021).
- SJS — *Slovník jazyka staroslověnského*. Т. 1–42. Praha: Nakladatelství československé akademie věd, 1958–1989.
- Sophocles — Sophocles E. A. *Greek Lexicon of the Roman and Byzantine Periods*. New York: Charles Scribner's sons, 1992. 1188 p.

Литература

- Арранц 2003 — Арранц М. *Избранные сочинения по литургике*. Т. III. Евхологий Константинополя в начале XI в. и Песенное последование по трембнику митрополита Киприана. Рим: Папский вост. ин-т; М.: Ин-т философии, теологии и истории св. Фомы, 2003. 674 с.
- Афанасьева 2015 — Афанасьева Т. И. Славянская версия Евхология Великой церкви и ее греческий оригинал. В кн.: *Лингвистическое источниковедение и история русского языка*. 2014–2015. М.: Ин-т рус. яз. им. В. В. Виноградова РАН, 2015. С. 9–43.
- Афанасьева 2016 — Афанасьева Т. И. Русские переводы конца XIV века. В сб.: *Труды института русского языка им. В. В. Виноградова*. Вып. IX. История русского языка и культуры. Памяти Виктора Марковича Живова. М.: Ин-т рус. яз. им. В. В. Виноградова РАН, 2016. С. 109–122.
- Афанасьева и др. 2019 — Афанасьева Т. И., Козак В. В., Мольков Г. А., Шарихина М. Г. *Евхологий Великой церкви в славяно-русском переводе конца XIV века. Исследование и текст*. М.; СПб.: Альянс-Архео, 2019. 400 с.
- Демьянов 2001 — Демьянов В. Г. *Иноязычная лексика в истории русского языка XI–XVII веков. Проблемы морфологической адаптации*. М.: Наука, 2001. 409 с.
- Дубровина 1964 — Дубровина В. Ф. Из наблюдений над употреблением грецизмов в переводном тексте русской рукописи XI в. В кн.: *Источниковедение и история русского языка*. М.: Наука, 1964. С. 44–57.
- Евангелие 1998 — Евангелие от Иоанна в славянской традиции. Алексеев А. А. и др. (подгот.). СПб; М.: Российское библейское общество, 1998. 82 с.
- Иорданиди, Крысько 2000 — Иорданиди С. И., Крысько В. Б. *Историческая грамматика древнерусского языка*. Т. I: Множественное число именного склонения. М.: Азбуковник, 2000. 310 с.

- Козак 2019 — Козак В.В. Грецизмы, отсутствующие в исторических словарях. В кн.: Афанасьева Т.И., Козак В.В., Мольков Г.А., Шарихина М.Г. *Евхологий Великой церкви в славяно-русском переводе конца XIV века. Исследование и текст*. М.; СПб.: Альянс-Архео, 2019. С. 147–150.
- Корогодина 2011 — Корогодина М.В. Принятие в православие в XIV–XV в.: письменная традиция и практика. Древняя Русь. *Вопросы медиевистики*. 2011, 3 (45): 60–61.
- Кривко 2015 — Кривко Р.Н. *Очерки языка древних церковнославянских рукописей*. М.: Индрик, 2015. 445 с.
- Крысько 2011 — Крысько В.Б. Морфологические особенности житийной части Софийского пролога. В кн.: *Славяно-русский пролог по древнейшим спискам. Синаксарь (житийная часть Пролога краткой редакции) за сентябрь — февраль*. Т. II: Указатели. Исследования. М.: Азбуковник, 2011. С. 798–837.
- Макеева, Пичхадзе 2004 — Макеева И.И., Пичхадзе А.А. Грамматические особенности древнерусского перевода. В кн.: Молдован А.М. (ред.). *«История Иудейской войны» Иосифа Флавия. Древнерусский перевод*. Т. I. М.: Языки славянской культуры, 2004. С. 19–26.
- Мещерский 1958 — Мещерский Н.А. К вопросу о заимствованиях из греческого в словарном составе древнерусского литературного языка (по материалам переводных произведений Киевского периода). *Византийский временник*. 1958, (13): 246–261.
- Пентковская 2004 — Пентковская Т.В. Грецизмы и их славянские эквиваленты в южнославянских и восточнославянских переводах XI–XIV вв. В сб.: *Славянский мир между Римом и Константинополем*. Сер.: Славяне и их соседи. Вып. 11. М.: Индрик, 2004. С. 95–110.
- Прокопенко 2011 — Прокопенко Л.В. Характеристика перевода Синаксаря (по данным за сентябрь — февраль). В кн.: *Славяно-русский пролог по древнейшим спискам. Синаксарь (житийная часть Пролога краткой редакции) за сентябрь — февраль*. Т. II: Указатели. Исследования. М.: Азбуковник, 2011. С. 665–689.
- Чернышева 1994 — Чернышева М.И. Греческие слова, способы их адаптации и функционирование в славянском переводе «Хроники» Иоанна Малалы. В кн.: Истрин В.М. *Хроника Иоанна Малалы в славянском переводе*. М.И. Чернышевой (подгот.). М.: Джон Уайли энд санз, 1994. С. 402–462.

Статья поступила в редакцию 20 августа 2020 г.
Статья рекомендована в печать 3 декабря 2020 г.

Georgiy A. Molkov

St. Petersburg State University,
7–9, Universitetskaya nab., St. Petersburg, 199034, Russia
georgiymolkov@gmail.com

Ways of adapting Greekisms in the Slavic-Russian version of the *Euchologion of the Great Church**

For citation: Molkov G. A. Ways of adapting Greekisms in the Slavic-Russian version of the *Euchologion of the Great Church*. *Vestnik of Saint Petersburg University. Language and Literature*. 2021, 18 (1): 97–113. <https://doi.org/10.21638/spbu09.2021.106> (In Russian)

The Slavic-Russian translation of the *Euchologion of the Great Church*, made at the end of the 14th century by scribes from the circle of Metropolitan Cyprian, contains a large layer of exotic vocabulary. The purpose of this article is to describe the specifics of the adaptation of Greek vocabulary, borrowings, in this translation within the framework of Greek influence, which are known from the South Slavic translations of the 14th century. The article describes the differences concerning the degree of their morphological development, the relationship with their Slavic equivalent and with each other. Different ways of adapting the exoticisms are asso-

* The study was supported by the Russian Science Foundation grant No. 20-18-00171.

ciated with their semantic heterogeneity in translation. The least ordered is the use of common noun vocabulary, denoting mainly objects of church use: each word that occurs repeatedly has its own set of declination variants. Proper names (or common nouns in the function of proper ones), as well as the names of heretical movements, were more consistently adapted. The frequency of such vocabulary in the Euchologion contributed to the development of typified means of its transmission. Along with techniques traditional for the 14th century for the Slavic tradition (glossing, deliberate use of unadapted foreign words), the translator also uses some new ways of adaptation, which can be considered as signs of the new wave of Greek influence. The new methods include cases of semantization of a variant of Greekism that differs from the traditional one, as well as methods of morphological and morphophonological adaptation of borrowings not known in the previous tradition.

Keywords: historical lexicology, loanwords, Euchologion of the Great Church, morphological adaptation.

References

- Арранц 2003 — Arrants M. *Selected Works on Liturgy*. Vol. III. Euchology of Constantinople at the beginning of the 11th century and the Song Followed by the Book of Metropolitan Cyprian. Roma: Papskii vostochnyi institut; Moscow: Institut filosofii, teologii i istorii sv. Fomy Publ., 2003. 674 p. (In Russian)
- Афанасьева 2015 — Afanaševa T. I. Slavic version of the Euchologion of the Great Church and its Greek original. In: *Lingvističeskoe istočnikovedenie i istoriia russkogo iazyka*. 2014–2015. Moscow: Institut russkogo iazyka im. V. V. Vinogradova RAN Publ., 2015. P. 9–43. (In Russian)
- Афанасьева 2016 — Afanaševa T. I. Russian translations of the late 14th century. In: *Trudy instituta russkogo iazyka im. V. V. Vinogradova. Vyp. IX. Istoriia russkogo iazyka i kul'tury. Pamiati Viktora Markoviča Zhivova*. Moscow: Institut russkogo iazyka im. V. V. Vinogradova RAN Publ., 2016. P. 109–122. (In Russian)
- Афанасьева и др. 2019 — Afanaševa T. I., Kozak V. V., Mol'kov G. A., Sharikhina M. G. *Euchologion of the Great Church in the Slavic-Russian translation of the late 14th century. Research and text*. Moscow; St. Petersburg: Al'ians-Arkheo Publ., 2019. 400 p. (In Russian)
- Демьянов 2001 — Dem'ianov V. G. *Loanwords in the history of the Russian language 11th–17th centuries. Problems of morphological adaptation*. Moscow: Nauka Publ., 2001. 409 p. (In Russian)
- Дубровина 1964 — Dubrovina V. F. From observations of the use of Greekisms in the translated text of the Russian manuscript of the 11th century. In: *Istočnikovedenie i istoriia russkogo iazyka*. Moscow: Nauka Publ., 1964. P. 44–57. (In Russian)
- Евангелие 1998 — *The Gospel of John in the Slavic Tradition*. Alekseev A. A. et al. (prep.). St. Petersburg; Moscow: Rossiiskoe bibleiskoe obshchestvo Publ., 1998. 82 p. (In Russian)
- Иорданиди, Крысько 2000 — Iordanidi S. I., Kryško V. B. *Historical grammar of the Old Russian language. T. I: Plural of nominal declension*. Moscow: Azbukovnik Publ., 2000. 310 p. (In Russian)
- Козак 2019 — Kozak V. V. Greekisms missing in historical dictionaries. In: Afanaševa T. I., Kozak V. V., Mol'kov G. A., Sharikhina M. G. *Euchologion of the Great Church in the Slavic-Russian translation of the late 14th century. Research and text*. Moscow; St. Petersburg: Al'ians-Arkheo Publ., 2019. P. 147–150. (In Russian)
- Корогодина 2011 — Korogodina M. V. Adoption to Orthodoxy in the 14th–15th centuries: written tradition and practice. *Drevniaia Rus'. Voprosy medievistiki*. 2011, 3 (45): 60–61. (In Russian)
- Кривко 2015 — Krivko R. N. *Essays on the language of Old Church Slavonic manuscripts*. Moscow: Indrik Publ., 2015. 445 p. (In Russian)
- Крысько 2011 — Kryško V. B. Morphological features of the hagiographic part of the Sofiyskiy Prolog. In: *Slaviano-russkii prolog po drevneishim spiskam. Sinaksar' (zhitiinaia chast' Prologa kratkoi redaktsii) za sentiabr'-fevral'*. Vol. II: *Ukazateli. Issledovaniia*. Moscow: Azbukovnik Publ., 2011. P. 798–837. (In Russian)
- Макеева, Пичхадзе 2004 — Makeeva I. I., Pichkhadze A. A. Grammatical features of the Old Russian translation. In: Moldovan A. M. (ed.). *"Istoriia Iudeiskoi voiny" Iosifa Flaviia. Drevnerusskii perevod*. Vol. I. Moscow: Iazyki slavianskoi kul'tury Publ., 2004. P. 19–26. (In Russian)

- Мещерский 1958 — Meshcherskii N. A. On the issue of borrowing from Greek in the vocabulary of the Old Russian literary language (based on the materials of translated works of the Kiev period). *Vizantiiskii vremennik*. 1958, (13): 246–261. (In Russian)
- Пентковская 2004 — Pentkovskaia T. V. Greekisms and their Slavic equivalents in the South Slavic and East Slavic translations of the 11th–14th centuries. In: *Slavianskii mir mezhdu Rimom i Konstantinopolem*. Issue 11. Moscow: Indrik Publ., 2004. P. 95–110. (In Russian)
- Прокопенко 2011 — Prokopenko L. V. Characteristics of the translation of Synaxarium (according to data for September-February). In: *Slaviano-russkii prolog po drevneishim spiskam. Sinaksar' (zhitiinaia chast' Prologa kratkoi redaktsii) za sentiabr' — fevral'. Vol. II: Ukazateli. Issledovaniia*. Moscow: Azbukovnik Publ., 2011. P. 665–689. (In Russian)
- Чернышева 1994 — Chernysheva M. I. Greek words, ways of their adaptation and functioning in the Slavic translation of the Chronographia of John Malalas. In: Istrin V. M. *Khronika Ioanna Malaly v slavianskom perevode*. Chernysheva M. I. (ed.) Moscow: Jon Wiley and sons Publ., 1994. P. 402–462. (In Russian)

Received: August 20, 2020

Accepted: December 3, 2020